

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ ПРОГРЕСС: КОНЦЕПЦИЯ ДВУХ ЛИНИЙ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье анализируются воззрения Кондорсе, Канта, Гегеля, других представителей линейной теории общественного развития о социальном прогрессе как объективном, закономерном процессе приближения человечества к идеальному мироустройству. Исследуются достоинства и недостатки данной теории, причины кризиса идеи поступательного правового развития человечества. Формулируются предпосылки и ключевые положения авторской концепции двух линий социального прогресса: правовой и политической.

Ключевые слова: социальный прогресс, правовая коммуникация, политическая коммуникация, социальная ценность права, пути правового и политического развития

Для цитирования: Архипов С. И. Политический и правовой прогресс: концепция двух линий // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 5–15. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_5.

POLITICAL AND LEGAL PROGRESS: THE CONCEPT OF TWO LINES

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg),
visiting professor, University «Paris-Nanterre» (Paris, France),
doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article analyses the ideas of Condorcet, Kant, Hegel, and other representatives of the linear theory of social development about social progress as an objective, natural process of bringing humanity closer to the ideal world order. The advantages and disadvantages of this theory, the causes of the crisis of the idea of progressive legal development of mankind are investigated. The prerequisites and key provisions of the author's concept of two lines of social progress – legal and political – are formulated.

Key words: social progress, legal communication, political communication, social value of law, ways of legal and political development

*For citation: Arkhipov S. I. (2021) Political and legal progress: the concept of two lines. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 5–15, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_5.*

Идея общественного прогресса на протяжении двух веков была одной из самых дискуссионных в европейской науке. В связи с кризисом западной правовой культуры интерес к ней в Европе и Северной Америке начал постепенно угасать, но для России, других стран, которые оказались на «цивилизационной развилке», интерес к ней, напротив, возрастает. В философии, социологии, правовой и политической науках сформировались две основные теории социального прогресса: линейная и циклическая. А. Р. Ж. Тюрго, Ж. А. Кондорсе, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и другие представители линейной теории рассматривали социальный прогресс как объективный,

закономерный процесс приближения человечества к идеальному мироустройству, в котором торжествуют разум и свобода. Один из родоначальников данной теории Ж. А. Кондорсе утверждал, что «прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей», что «способность человека к совершенствованию действительно безгранична», «прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять»¹, с течением времени прогресс ускоряется.

И. Кант, анализируя ход исторического развития, пришел к выводу, что человеческие поступки в конечном счете определяются общими законами природы, социальная история имеет закономерный характер, человечество, возможно, не осознавая конечной цели, осуществляет «тайный замысел» природы. Он выделял несколько ключевых положений, раскрывающих этот замысел: 1) все природные задатки живых существ, в том числе людей, имеют определенное назначение, а именно целесообразное развитие; 2) задатки человека раскрываются полностью не в отдельном индивидуе, а во всем человеческом роде; 3) природа «желает», чтобы человек достиг совершенства не посредством инстинктов, а руководствуясь собственным разумом; 4) в основе поступательного развития человечества лежат социальные антагонизмы, в человеке заключена склонность, с одной стороны, к социальному общению, единению с другими людьми, с другой – к отчуждению, противопоставлению себя обществу, иным лицам; 5) конечным пунктом социального прогресса является создание всеобщего правового гражданского общества, такого социального состояния, в котором будет достигнута полная, «величайшая» свобода; 6) для достижения данной цели человек нуждается в господине, который должен быть справедливым, способным усмирять животные инстинкты других, вести их за собой, будучи при этом человеком; 7) природа посредством войн, социальных конфликтов подталкивает людей вступить в союз народов во имя всеобщего мира; 8) всю историю человечества можно рассматривать как осуществление исходного замысла природы: полного, целесообразного развития человеческих задатков; 9) разработка всемирной истории, соответствующей данному плану природы, будет способствовать его осуществлению².

Представления И. Канта о правовом будущем человечества получили дальнейшее развитие в «Философии права» и «Философии истории» Г. В. Ф. Гегеля³, в трудах других сторонников линейной теории социально-правового прогресса; легли в основу современной концепции правового государства; глубоко укоренились в западной правовой культуре, общественном сознании. Ключевые положения кантовско-гегелевского учения, разработанные немецкими философами принципы государственно-правового устройства общества стали достоянием правовой системы Запада, закреплены в конституционно-правовых актах европейских и других стран.

Однако события XX столетия, две мировые войны, возникновение антиправовых, тоталитарных режимов в самом центре «культурной» Европы, цивилизационный кризис Западного мира, крушение системы фундаментальных правовых ценностей основательно подорвали европейскую веру в «светлое правовое будущее». На смену представлениям о «золотой лестнице» правового прогресса, о неизбежном, закономерном развитии общества, приближении его к идеальному правовому мироустройству (линейная теория социального развития) пришло разочарование в праве, его

¹ Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкономгиз, 1936. С. 4–6.

² Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 12–28. Сформулированные в данной работе мысли получили развитие в других произведениях немецкого философа: Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Там же. Т. 8. С. 72–88; Его же. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Там же. Т. 8. С. 158–204; Его же. Конец всего сущего // Кант И. Там же. Т. 8. С. 205–218; Его же. К вечному миру. Философский проект // Там же. Т. 7. С. 5–56; Его же. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 5–57; Его же. Метафизика нравов: в 2 ч. Ч. 1: Метафизические начала учения о праве // Там же. Т. 4. Ч. 2. С. 109–304.

³ Подробный анализ работ И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, посвященных правовому прогрессу, см.: Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

способности изменить существующий социальный строй. В XX в. возникли антиправовые воззрения, нивелирующие социальную ценность права, отвергающие саму возможность посредством юридических норм совершить восхождение к «царству свободы» (Н. А. Бердяев, Л. Н. Толстой и др.), а также возродились теории социальных циклов (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби).

Вместо критического осмысления исходных положений линейной теории социально-правового прогресса, ее внутренних противоречий, оценки достоинств и недостатков кантовско-гегелевских идей часть научного сообщества поспешила отказаться от них как ошибочных представлений. Так, английский историк Г. А. Л. Фишер утверждал: «Факт прогресса ясно и щедро запечатлен на страницах истории. Однако прогресс не является законом природы. То, что достигнуто одним поколением, может быть утрачено следующим»¹. Другая часть, «открещиваясь» от линейной теории, в качестве альтернативы предложила различные варианты «зигзагообразной», «кривой» траектории развития, но всякий зигзаг, кривизна предполагают выстроенную в сознании мысленную линию, ведущую к конечному пункту развития. Данные воззрения лишь внешне противостоят линейной теории общественного прогресса, по сути же, являются ее модификациями.

Анализируя исходные кантовско-гегелевские положения о социально-правовом прогрессе, прежде всего следует обратить внимание на смешение политических и правовых начал в учении немецких философов. Правовая и политическая формы коммуникации в их теории общественного прогресса не разграничены. Если исходить из определения права И. Канта («совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»²), то можно констатировать, что правовая система коммуникации основывается на принципах свободы, равенства субъектов, совмещения их произволов (воля). По сути, Кант в своем подходе к пониманию права руководствовался классическими древнеримскими представлениями, составляющими фундамент современного частного права. Если же оценивать предложенную им систему организации государства, то можно выявить совершенно другую форму коммуникации, основанную на отношениях власти и подчинения (отсюда конструкция разделения властей в государстве). С одной стороны, согласно исходной позиции немецкого философа государство должно строиться на правовых принципах, с другой – его модель государственного устройства не соответствует сформулированному им же определению права, предполагает иные коммуникативные начала.

В теории Гегеля также отсутствует четкое разграничение правовой и политической коммуникации (для него «идея права есть свобода», «система права есть царство осуществленной свободы»³, государство же, с одной стороны, есть «организация понятия свободы», с другой – «политическое государство»⁴, предполагающее законодательную, правительственную власть и власть государя). В гегелевской конструкции государства идея правовой свободы странным образом трансформируется в идею высшей политической власти суверена, государство представляется как некое божество («шестивие Бога в мире»), соединяющее власть разума с системой политического принуждения в отношении собственных граждан, еще не познавших сущность свободы.

На наш взгляд, определяя перспективы социального развития, нельзя смешивать две принципиально разные коммуникативные системы, каждая из которых предполагает собственную линию, траекторию общественного прогресса. Политическая система коммуникации, в основе которой лежит принцип властеотношений, реализует другую цель, иной «замысел природы», отличный от кантовского состояния «величайшей свободы». Психологическим фундаментом политической власти явля-

¹ Цит. по: Поппер К. Р. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике: в 2 ч. Ч. 2: Мысли об истории и политике. М.: УРСС : ЛЕНАНД, 2019. С. 9. Поппер полагал, что с этим суждением Фишера можно и нужно согласиться, но наша цель заключается в том, чтобы возродить утраченный прогресс (Там же. С. 10–11).

² Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. Ч. 1. Метафизические начала учения о праве. С. 139.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 59, 67.

⁴ Там же. С. 289, 311.

ется отнюдь не стремление к социальному единению, не чувство сострадания к слабому, «любви к ближнему», а желание господствовать над другими, править миром. Это стремление не имеет внутреннего ограничителя, морально-этического предела; если на его пути не возникнет внешнего непреодолимого барьера, то его конечным пунктом будет мировое господство, единое государство, но не кантовской свободы, а всеобщего повиновения. Природа, заложив в человеке необузданное желание властвовать, уготовила миру негативный и опасный сценарий социального развития, диаметрально противоположный кантовскому проекту.

Во всемирной истории едва ли можно найти примеры государств, которые стремились бы отказаться от принципа властеотношений как исходного начала социальной коммуникации; напротив, примеров продолжателей идеи мирового господства множество. Среди всех известных форм государств наиболее востребованной оказалась созданная Древним Римом форма государства-империи, под властью которой объединялись многочисленные страны и населяющие их народы. Она на протяжении двух тысячелетий была образцом для подражания многих правителей, с ее помощью они надеялись воплотить свою мечту о мировом господстве, расширении государственной власти до общепланетарного масштаба. Едва ли можно утверждать, что лежащее в основе этой формы стремление к безграничной власти исчезло, что оно окончательно вытеснено идеей всемирного правового государства.

Н. Н. Алексеев вполне резонно утверждал, что западные народы в определенный момент утратили чувство реальности государства, их представления о государстве сформировались на почве естественно-правовых идеалов, оторванных от реальной политической жизни, в этих представлениях идея власти отошла на второй план¹. Действительно, под влиянием естественно-правового учения в западном правовом сознании в XVIII–XIX вв. сформировался идеальный образ государства как института правовой свободы. Однако в XX в. этот идеальный образ оказался развеян суровой реальностью тоталитарных режимов, скинувших с себя «правовые покрывала». И вновь, как и две тысячи лет назад, на передний план вышла идея мирового господства (в первой половине XX в. – фашистская Германия, в конце столетия – США). Истинная природа политического государства отнюдь не изжита, не трансформировалась под влиянием естественно-правового учения, Левиафан не превратился в «правового мопса».

Когда И. Кант размышлял об отрицательных («грубых») природных задатках человека, то среди них он выделял властолюбие, честолюбие и корыстолюбие. Они заставляют индивида проявлять социальную активность, «преодолевать природную лень»². Ненасытная жажда людей к обладанию и господству должна, по версии Канта, способствовать осуществлению позитивных природных качеств. Но и сами они, если взять за основу первый тезис немецкого философа, предполагают целесообразное и полное их развитие. В этом смысле политическая линия социального прогресса не есть что-то аномальное, неестественное, противное человеческой природе, напротив, в ней природа человека (правда, животная природа) находит свое выражение и осуществление. И. Кант эту линию социального развития не рассматривал в качестве самостоятельной, полноценной, альтернативной восхождению к гражданско-правовому состоянию. Но в реальной общественной жизни именно она, начиная со времен возникновения государственности, оказывается доминирующей. Правовой же путь развития представляет собой, скорее, исключение, отклонение от этого «природного» состояния человеческого рода.

Существование «грубых» естественных наклонностей человека хотя и представляет проблему с точки зрения права, этики и культуры, но не главную; гораздо более важным, на наш взгляд, является позитивное отношение к ним со стороны государства, системы политической власти. Они не просто терпимы к этим природным задаткам, но и сознательно культивируют их, поскольку человеческое властолюбие, честолюбие и корыстолюбие являются необходимыми условиями существования политического строя. До тех пор, пока человечество позитивно относится к ним, из-

¹ Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–390.

² Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. С. 16.

меряет всемирную историю военными походами, колонизацией чужих земель, истреблением «враждебных» народов, линия политического господства и лежащие в ее основе животные инстинкты не исчерпают себя.

Политическая коммуникация, если сравнивать ее с другими формами социально-го взаимодействия, наиболее приближена к природе. Именно к ней, на наш взгляд, применим тезис И. Канта о том, что человеческие поступки определяются общими законами природы. Как и в природе, здесь физическая сила, принуждение имеют решающее значение. Использование современными государствами многообразных ненасильственных средств, приемов воздействия на граждан принципиально не меняют сущность государственной власти. Она была и есть продолжение естественно-природной формы взаимодействия живых существ; общество не изобрело ничего кардинально нового, создав систему политической коммуникации, оно лишь развивает то, что уже ранее было создано природой.

Правовая же коммуникация – это более совершенная форма человеческого общения, здесь законы природы не имеют решающего значения. В природе нет аналогов правовой коммуникации. Идеи формального равенства, правовой свободы, совмещения воли (произволов) – не из мира природы, они представляют собой творения «духа», причем на высокой стадии его развития. Человечеству потребовалось пройти долгий путь, чтобы сформировать отношение к другому лицу не как средству, а как высшей социальной ценности и самоцели, чтобы признать «естественными», неотчуждаемыми права человека на жизнь, на неприкосновенность личности, собственности, жилища, на свободу передвижения, свободу совести и вероисповедания, на социальное обеспечение, на образование, на охрану здоровья и т. д.

Правовая коммуникация, если рассматривать ее сквозь призму эволюции общества, занимает на «лестнице» социального прогресса более высокую ступень, чем политическая форма коммуникации. Учитывая духовную почву права, его удаленность от мира природы, следует оценивать эту форму как качественно новый уровень взаимоотношений между людьми. Когда в юридической литературе две коммуникативные системы сливаются воедино¹ или ставятся в один ряд, то невольно нивелируется значение, роль и социальная ценность права.

Сопоставляя политическую и правовую системы коммуникации, можно отметить следующие различия: первая предполагает социальное отчуждение, противопоставление себя другому (властвующего – подвластным), организованное физическое и психическое насилие, вражду, общественные конфликты, антагонизмы, войны; вторая, напротив, подразумевает социальное взаимодействие, свободу, формальное равенство, взаимное уважение, признание человеческого достоинства, состояние мира, формирование чувства справедливости как главного индикатора человеческого поведения и важнейшего критерия оценки существующих общественных институтов, социальных норм.

Создатели линейной теории социального прогресса в своих теоретических построениях, на наш взгляд, не учли одно важное обстоятельство: чем дальше человечество отдалается от своих природных основ, от животных инстинктов, тем в большей степени прогресс зависит от субъективного фактора, от воли, сознания людей. В политической системе коммуникации, где роль грубых природных задатков еще велика, есть некая предустановленность, предсказуемость. В правовой же коммуникации, где животные инстинкты не имеют решающего значения, этой предустановленности не существует. Свойственные природе линейность, неизбежность, предсказуемость происходящих процессов не присущи данной коммуникативной сфере. В ней решающим фактором является воля участников социального взаимодействия; если у них нет желания прогрессировать (отсутствует общий правовой идеал, план социально-правового мироустройства или недостаточная мотивация для его осуществления), то и правовое развитие невозможно. В этой системе социального взаимодействия нет жестких закономерностей, есть лишь тенденции.

¹ См., например: Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002. С. 62. В концепции А. В. Полякова правомочие, как и право в целом, неразрывно («диалектически») связывается с властью, правовое отношение отождествляется с властеотношением.

В линейной теории социального прогресса внешне декларируется свобода воли, следовательно, возможность социального выбора людей, но в итоге их будущее предопределено. Природа заранее «позаботилась» о человечестве, заложив такие задатки, которые уготовили ему «правовой рай». Индивид уподобляется животному, которое лишено возможности изменить свою судьбу, избрать другой путь. У него нет «права» на другой идеал, на иное будущее, он не может сотворить себе антимир, «правовой ад», линейная теория не предоставляет ему такой альтернативы. Принципы действия законов природы перенесены основателями данной теории в социальную сферу. Но если человек есть разумное существо, то у него должна быть возможность выбора, даже если это самый негативный для него сценарий самоуничтожения человеческого рода.

У человечества всегда есть выбор между правовым прогрессом и политическим путем развития. Кондорсе, Кант и Гегель полагали, что социальный прогресс – это прогресс человеческого разума. Однако разум может отрываться от нравственных основ, он сам по себе еще не является гарантией выбора правового пути развития. Есть рациональность политическая и есть рациональность правовая. Для рациональности политической характерны такие алгоритмы принятия решений, в основе которых лежит стремление получить одностороннюю выгоду, другие лица не воспринимаются властвующим субъектом как самоцели, для них они лишь средство достижения собственных интересов; правовая же рациональность предполагает выработку взаимовыгодных решений, учитывающих интересы контрагентов, их волю. Правовая коммуникация – это выбор равных (равноправных), политическая – сильных мира сего.

В период, когда Америка боролась за свободу и независимость от могущественной Британской империи, для нее правовой путь развития представлялся единственно возможным, разумным. Она требовала от метрополии признания ее интересов, равенства прав. Однако в конце XX столетия, когда у США возникла перспектива стать мировым гегемоном, потомки Д. Вашингтона, Т. Джефферсона, других отцов-основателей американской демократии сочли для себя разумным пойти по другому, антиправовому, пути. Политическая элита Америки с легкостью отбросила выстраданные их предками правовые идеалы, высокие нравственные принципы, холодный расчет перевесил морально-этические аргументы. Искушение владеть миром оказалось сильнее нравственного кода бывших борцов за свободу. Когда ты слаб, то мечтаешь о равноправии и свободе, когда ты сильнее других, то правовые принципы становятся для тебя лишним обременением, балластом, а правовой путь развития воспринимается как удел слабых.

Возможно, американцы унаследовали от англичан «особое», лицемерное отношение к свободе. Это особое отношение («феномен английского либерального лицемерия») заключается в том, что люди, обладающие чувством права, дорожащие им и рассматривающие свободу как одну из величайших социальных ценностей («В Англии даже последний бедняк полагает, что обладает правом»¹), отказывают в свободе другим («Англии весь мир служит рынком и сферой колонизации»²). Свобода для себя и рабство для других народов – два противоположных принципа социальной коммуникации, которые на протяжении веков как-то сосуществуют, уживаются в сознании англичан, их внутренней и внешней политике.

В основе коммуникативного выбора народов, наций лежит борьба важнейших социальных идей: власти и свободы. Р. Иеринг называл опаснейшим лжеучением воззрения исторической школы права, согласно которым правовое развитие происходит само собой, без труда, без постоянной борьбы за право. Он утверждал, что «жизнь права – борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидов»; «право в своем историческом движении представляет нашему взору картину искания, усилий, борьбы, короче говоря – тяжелого напряжения»³; все великие приобретения в истории права (уничтожение рабства, крепостничества и др.) были завоеваны в результате долгой и ожесточенной борьбы. Не разум, а чувство права

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 271.

² Там же. С. 460

³ Иеринг Р. Борьба за право. СПб.: Вестник знания (В. В. Битнера), 1912. С. 15, 19.

(как психологический источник всякого права) он рассматривал в качестве главной движущей силы в этой борьбе. Он возвел борьбу за право до идеальной высоты: от приземленного правового интереса покупателя или продавца до представления о нравственном самосохранении личности и далее – до воплощения идеи права в социальном устройстве.

Если оценивать позицию Р. Иеринга с точки зрения возможности осуществления правового пути развития, то ключевой тезис немецкого юриста о том, что без борьбы нет «жизни права», правового будущего, представляется вполне обоснованным. Его можно адресовать сторонникам не только исторической школы права, но и линейной теории социально-правового прогресса. В их системе взглядов на будущее человечества подчеркивается предзаданность, неизбежность движения вперед, к правовому идеалу. Они не учитывают наличие или отсутствие «энергетического заряда», мотивации, внутренних стимулов к тяжелой, напряженной борьбе за правовой мир.

Расцвет и угасание римского частного права, зарождение и разрушение мощной естественно-правовой волны эпохи Просвещения невозможно объяснить одними природными задатками человека. Для этого необходимо учитывать наличие внутренних и внешних социальных факторов. С внешней стороны должен быть «заказ» на правовое развитие, а также необходимые условия, предпосылки для правового прогресса. К числу важнейших внутренних факторов можно отнести сформированность в общественном сознании определенной правовой цели, к которой следует стремиться (социально-правового идеала), и мощную мотивацию.

Также к внутренним факторам правового прогресса следует отнести способность субъекта права распорядиться своей свободой. Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» обратил внимание на то психологическое состояние, которое возникло у европейцев в процессе правовой эмансипации. С одной стороны, первичные узы, связывающие индивида с церковью, сословиями, средневековыми цеховыми организациями, в результате напряженной правовой борьбы были разорваны, человек получил долгожданную свободу. С другой стороны, у него появилось чувство незащищенности, одиночества, тревоги, которого раньше не было. И самое главное – он оказался не в состоянии распорядиться своей свободой, перевести свободу отрицательную (свободу «от») в позитивную (свободу «для»), использовать ее в своих интересах, в целях развития личности, удовлетворения растущих социальных потребностей. Вместо этого произошел отказ от своей индивидуальности, бегство от свободы в авторитарную государственность, в еще более жесткую, чем существовала в Средневековье, систему принудительных политических связей¹. Э. Фромм решение проблемы бегства от свободы видел в воспитании индивида, в психологической подготовке его к новым условиям социальной коммуникации. Однако не менее значимым, на наш взгляд, является создание необходимой для индивида правовой инфраструктуры, включающей в себя не только законодательную базу, но и конкретные юридические механизмы, процедуры самореализации человека в свободном правовом мире.

Для Р. Иеринга главным внутренним фактором, от которого зависит правовой прогресс, было чувство права. Исследуя римское частное право, он выделял три ступени его развития: 1) древнее право с резким, необузданным чувством права; 2) средний период с чувством права, в котором присутствует мера; 3) имперский период с ослабевшим и извращенным чувством права². Государственный деспотизм и нравственное разложение личности, по его мнению, привели к деградации чувства права, утрате мотивации к борьбе за правовые ценности. Схожие симптомы он отмечал в западноевропейском правовом сознании XIX в., в нем уже тогда начал доминировать меркантилизм вместо удовлетворения оскорбленного чувства права; кроме того, оказались перевернутыми правовые полюса: позитивным правом защищались скорее должники, чем кредиторы, правонарушители, а не потерпевшие.

Что касается чувства права, его роли в правовом развитии, то, на наш взгляд, для покупателя или продавца, участвующих в правовом споре, его может быть и достаточно, но для создания идеального социально-правового устройства одного лишь

¹ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 27–31.

² Иеринг Р. Борьба за право. С. 59.

чувства мало. Нужны основательные теоретические представления о том, как должно быть организовано «царство свободы». Право – мир духа, поэтому чувства участников правовой коммуникации должны быть соединены с теоретическим разумом. Когда речь идет о правовом прогрессе нации, отдельной цивилизации или всего человечества, то нет ничего лучше добротной правовой теории. Законодатель, судья или исследователь права должны иметь четкий правовой ориентир, а не размытый образ правового будущего. И эта задача оказалась самой сложной для теоретиков и философов права. В период зарождения естественно-правовой волны эпохи Просвещения в качестве конечной цели правовой борьбы против абсолютизма была форма государства-республики, она воспринималась как своего рода панацея от всех видов политического деспотизма. В более поздний период эта идея трансформировалась в кантовскую концепцию гражданско-правового состояния, затем – в теорию правового государства. Но все они в силу внутренних противоречий, иных существенных изъянов не смогли стать «инструкцией» по созданию на земле «правового рая».

Осознавая запредельную сложность задачи концептуализации идеи совершенного правового строя, некоторые правоведы поспешили вовсе признать «миссию невыполнимой», отказаться раз и навсегда от решения непосильной теоретико-правовой задачи. Но в этом случае ставится под сомнение сама возможность правового развития. Куда идти, к чему стремиться? Бесцельные правовые скитания, бессмысленное движение по кругу. Система права как система целеполагания предполагает наличие цели, пусть даже аморфной, абстрактной, но некой общей стратегической цели, поскольку без нее она лишена смысла. Кант ее определил как состояние полной свободы, другие авторы – как справедливое, совершенное, разумное (идеальное) социально-правовое устройство. Но это неосязаемый идеал, который нуждается в «телесном воплощении», в создании соответствующей правовой оболочки. Однако всякие попытки теоретически описать идеальную «правовую телесность», определить четкие контуры совершенного правового строя раз за разом терпят неудачу, что порождает скепсис, недоверие к праву, сомнения в его способности изменить мир.

И как только осуществление правового проекта оказывается невозможным или основательно буксует, в образовавшийся вакуум в качестве альтернативы идеи правового прогресса политическое сознание вбрасывает соответствующую «духу времени» идею-проект внеправового пути развития. Индивиду, не реализовавшему свою мечту о правовом государстве, предлагается принять участие в создании социалистического или коммунистического общества, где взамен индивидуальной свободы ему обещана частичная или полная опека со стороны государства, система ценных для него социальных гарантий, материальных благ. И тот, кто изначально стремился к свободе, к правовому самоопределению, начинает сомневаться в выбранном им пути. Почему бы не разменять правовую свободу на материальное благополучие, на безбедную жизнь под защитой суверена? В этом смысле XX в. – это эпоха конвертации завоеванной с величайшим трудом свободы в материальное благополучие, эпоха политического меркантилизма.

В конкурентной борьбе двух величайших социальных идей свободы и власти верх в очередной раз взяла идея власти. Право как «искусство добра и справедливости» не смогло отстоять свою правоту. Кондорсе, Кант и Гегель с их непоколебимой верой в социально-правовой прогресс человечества едва ли могли предположить, что познавшие правовую свободу «цивилизованные» народы способны добровольно отречься от правового пути развития, сознательно вернуться к государственному деспотизму, авторитаризму. Идея власти не просто выстояла, она доказала свою живучесть, продемонстрировала способность адаптироваться к новой реальности. Она нашла отклик в общественном сознании, смогла стать и в России, и в западной Европе мощной побудительной силой для осуществления социальных преобразований. Те, кто раньше верил в высшие силы или в правовое будущее человечества, под ее воздействием уверовали в антиправовые идеалы.

Мир в XX столетии пошел по политическому пути развития, чувство права было вытеснено идеей власти. Идеалистический сценарий последовательного восхождения народов к вершинам правовой свободы оказался слишком нереалистичным.

Основатели теории линейного прогресса увлеклись формами социального мироустройства, упустив из виду «человеческий материал». Человечество за исторически короткий период не изменило свою природу, не искоренило негативных естественных задатков. Данное обстоятельство был вынужден признать и сам И. Кант, соглашаясь с тем, что представление о беспрестанном движении от плохого к лучшему сформировалось исключительно в сознании философов и педагогов¹.

В реальном мире новым правовым идеям корреспондируют старые природные инстинкты. Чтобы идея права вновь торжествовала, необходима не только обновленная, усовершенствованная теория правового прогресса, но и вновь обретенная вера в правовое будущее человечества. Вера, способная противостоять животным инстинктам, низменным побуждениям. Если для законодателей, судей и исследователей права важны прежде всего теоретические постулаты, рациональные аргументы, то для общественного сознания – чувство права, иррациональные элементы, среди которых ключевым является вера в справедливое правовое мироустройство.

Противостояние идей свободы и власти может выражаться не только в крайностях, смене социальных «полюсов», противоположных коммуникативных подходов, но и в достижении временного компромисса, формировании своего рода политико-правовых «кентавров». Таким симбиозом политики и права, на наш взгляд, является созданная в XIX в. модель правового государства, в которой «голова» правовая (в ней, по мысли авторов проекта, должна быть заключена идея свободы), а в государственном «теле» воплощается идея законодательно ограниченной политической власти. Речь идет не о синтезе, новом качестве, а о механическом соединении права и политики, двух коммуникативных систем. В конструкции правового государства собраны вместе инородные элементы, взятые из разных социальных миров.

Правовое государство, соответствующее кантовскому пониманию права, должно быть организовано на ином фундаменте, чем принципы политического властвования, включая народовластие, демократию. Демократия – это форма политического устройства общества, которая предполагает не совмещение интересов граждан, а господство одной части народа (предполагаемого большинства) над другой (условным меньшинством). К тому же, как справедливо заметил К. Поппер, «„демократия“ в значении „власти народа“ почти никогда не существовала, а если даже и существовала, то была безответственной диктатурой произвола. Правительство может и должно быть ответственным перед народом. Власть народа неспособна на это; она безответственна»². С политической точки зрения демократия – это предел человеколюбия, вершина гуманизма, с точки же зрения естественного права – форма антиправового устройства общества, в котором нарушаются исходные принципы правовой коммуникации.

Правовая коммуникация не предполагает демократию, она нуждается в таком государственном механизме, где законодательная деятельность осуществляется на профессиональной основе наиболее подготовленными, квалифицированными юристами. Если следовать кантовскому определению права, то целью законотворчества должно быть не осуществление власти, не навязывание своей воли гражданам, а совмещение интересов покупателя и продавца, хранителя и поклажедателя, работника и работодателя, гражданина и государства. В этом, как представляется, состоит истинный смысл юридической профессии, главное предназначение юриста. Не случайно именно в Древнем Риме, где зародилась система частноправового регулирования – исходного базиса правовой коммуникации, юристы стали самыми авторитетными и наиболее успешными законодателями. Будучи адвокатами, лишеными властных полномочий, они смогли создать такие юридические конструкции, в которых совмещались юридически противоположные интересы сторон.

Что касается известного тезиса о том, что правовое государство нуждается в исполнительной власти как элементе государственного устройства, то деятельность правительства, министерств, ведомств, губернаторов и т. д. должна преследовать цель осуществления правовых законов, а не властвования, не политического господства. Когда в современном государстве президентами, министрами, губернаторами

¹ Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. С. 20–21.

² Поппер К. Р. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. 2. С. 7.

или руководителями мегаполисов становятся комедийные артисты, боксеры, другие дилетанты или безответственные политики, это не только не способствует правовому прогрессу, но и тормозит экономическое развитие, разрушает хозяйственную систему. Чем сложнее общество, тем эффективнее должны быть органы его управления, выше уровень профессиональной подготовки руководителей всех звеньев государственного аппарата. Система государственного управления, основанная на правовых принципах коммуникации, предполагает деполитизацию государственных органов, их профессионализм, а также полную (по аналогии с субъектами предпринимательской деятельности) юридическую ответственность за неправомерные действия. Подчеркнем: не иллюзорную политическую, а реальную юридическую ответственность.

С точки зрения исходных принципов правовой коммуникации весьма спорной представляется также идея суда как органа государственной власти. По сути, она является антиправовой, поскольку противоречит принципу объективности, беспристрастности правосудия. Конструкция разделения властей, предполагающая признание судебной системы как особой ветви государственной власти, – это своего рода «троянский конь» в правовом государстве. История суда как правового института начиналась с момента его обособления, отрыва от государственной власти, от суверена. Не случайно образцом для подражания во всех цивилизованных странах стал англосаксонский суд присяжных как самый независимый от государства орган. Идея же суда как органа государственной власти не приближает нас к правовому обществу, а отдаляет от него, она есть возврат в прошлое.

Таким образом, в конструкции правового государства не воплотилась идея правовой коммуникации, коммуникативно-правовой свободы. Вместо совмещения интересов участников правового взаимодействия на основе принципов свободы и равенства человечество получило старую как мир, но не очень «добрую» и эффективную форму политического властвования – демократию. В результате «неравного брака» двух коммуникативных систем, с одной стороны, оказались дискредитированными, в значительной мере потеряли былую привлекательность идеи права, справедливого правового устройства общества, правового прогресса, с другой стороны, идея демократии не смогла преодолеть системный кризис, возникший еще в XIX в. Процесс разложения важнейшего западного института власти нарастает, несмотря на его новую правовую оболочку.

Учитывая консервативность общественного сознания, доминирование в нем тех устремлений, о которых писал И. Кант, можно предположить, что время политико-правовых симбиозов еще не прошло, попытки совместить идею правовой свободы с идеей политической власти будут продолжаться. Однако будущее – за разграничением двух коммуникативных систем, линия правового прогресса должна в конкурентной борьбе доказывать свою самостоятельность и эффективность по отношению к системе политической коммуникации. Правовое развитие общества можно мерить различными «линейками»: уменьшением социального насилия по отношению к индивиду, расширением спектра «естественных» и неотчуждаемых прав человека, степенью социальной ответственности государства перед личностью и т. д. Но главным критерием приближения к идеальному социально-правовому мироустройству, на наш взгляд, является переход от политического к правовому типу коммуникации.

Данный переход с учетом «человеческого материала» будет затяжным и трудным. Правовым идеям придется в постоянной борьбе доказывать свою «правоту» и социальную привлекательность. Важная роль в этой борьбе двух коммуникативных систем принадлежит юридической науке, которая призвана критически переосмыслить кантовско-гегелевские представления о праве, общественном развитии, а также концепции социальных циклов и на их основе создать новую теорию социально-правового прогресса.

Список литературы

Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–624.

Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Иеринг Р. *Борьба за право*. СПб.: Вестник знания (В. В. Битнера), 1912. 71 с.
- Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 12–28.
- Кант И. *К вечному миру. Философский проект* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 7. С. 5–56.
- Кант И. *Конец всего сущего* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 205–218.
- Кант И. *Метафизика нравов*: в 2 ч. Ч. 1. *Метафизические начала учения о праве* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 109–304.
- Кант И. *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 158–204.
- Кант И. *Об изначально злом в человеческой природе* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 5–57.
- Кант И. *Предполагаемое начало человеческой истории* // Кант И. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 72–88.
- Кондорсе Ж. А. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. М.: Соцэкономгиз, 1936. 266 с.
- Поляков А. В. *Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование)*: дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002. 94 с.
- Поппер К. Р. *Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике*: в 2 ч. Ч. 2: *Мысли об истории и политике*. М.: УРСС : ЛЕНАНД, 2019. 232 с.
- Фромм Э. *Бегство от свободы* / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. 231 с.

References

- Alekseev N. N. (1998) *Sovremennoe polozhenie nauki o gosudarstve i ee blizhaishie zadachi* [The current state of the science of the state and its immediate tasks]. In Alekseev N. N. *Russkii narod i gosudarstvo*. Moscow, Agraf, pp. 386–624.
- Arhipov S. I. (2018) *Predstavleniya o pravovom progresse I. Kanta i G.V. F. Gegelya [I. Kant's and G. W. F. Hegel's views on legal progress]*. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 7–18.
- Condorcet J. A. (1936) *Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Sketch for a historical picture of the progress of the human mind]. Moscow, Sotseconomgiz, 266 p.
- Fromm E. (2016) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom], transl. from Eng. by A. I. Fet. Nyköping, Philosophical arkiv, 231 p.
- Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.
- Iering R. (1912) *Bor'ba za pravo* [The struggle for the law]. St. Petersburg, Vestnik znaniya (V. V. Bitnera), 71 p.
- Kant I. (1965) *Metafizika нравов*: in 2 parts. Part 1. *Metafizicheskie nachala ucheniya o prave* [Metaphysics of morals: in 2 parts. Part 1. Metaphysical principles of the doctrine of law]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 6 vols*. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 109–304.
- Kant I. (1965) *Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoi prirode* [About the original evil in human nature]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 6 vols*. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 5–57.
- Kant I. (1994) *Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* [The idea of a universal history in a world-civil plan]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols*. Moscow, CHORO, vol. 8, pp. 12–28.
- Kant I. (1994) *K vechnomu miru. Filosofskii proekt* [To eternal peace. Philosophical project]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vol.* Moscow, CHORO, vol. 7, pp. 5–56.
- Kant I. (1994) *Konets vsego sushchego* [The end of all things]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols*. Moscow, CHORO, vol. 8, pp. 205–218.
- Kant I. (1994) *O pogovorke «Mozhet byt', eto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki»* [About the saying «Maybe this is true in theory, but it is not suitable for practice»]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols*. Moscow, CHORO, vol. 8, pp. 158–204.
- Kant I. (1994) *Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoi istorii* [The supposed beginning of human history]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols*. Moscow, CHORO, vol. 8, pp. 72–88.
- Polyakov A. V. (2002) *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (genезis i teoretiko-pravovoe obosnovanie)*: dis. ... d-ra jurid. nauk v vide nauchnogo doklada [The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification): a doctor of legal sciences thesis]. St. Petersburg, 94 p.
- Popper K. R. (2019) *Vsya zhizn' – reshenie problem. O poznanii, istorii i politike*: in 2 parts. Part 2: *Mysli ob istorii i politike* [All life is problem-solving. About cognition, history and politics: in 2 parts. Part 2: Thoughts on history and politics]. Moscow, URSS : LENOAND, 232 p.